

Она жалела троих детей, особенно Тун Цяня и Чжоу Минъяня. Если бы не они, возможно, этот прилавок не смог бы привлечь даже первого клиента.

Всё сводилось к тому, что она, как мать, оказалась бесполезной — неуклюжей и косноязычной, вынужденной просить десятилетнего ребёнка помогать привлекать клиентов.

Тун Цянь изначально не хотел идти, но Чжоу Минъянь увлёк его за собой.

— Мы слишком выделяемся. Хотя мы сами считаем себя взрослыми, для тёти мы всего лишь дети. Ей нужно время, чтобы это осознать.

Тун Цянь мгновенно понял. Это как с одноклассниками, которые старше его, но их результаты всё равно ниже. Он знал это чувство.

Трое детей, держась за руки, гуляли по храмовому празднику.

Раньше Тун Цянь бы обрадовался до безумия.

Но в будущем он видел бесчисленное количество сцен более роскошных и оживлённых, чем этот праздник. Сейчас этот храмовой праздник казался ему слишком простым.

Он побродил по нескольким интересным прилавкам, но даже не потратил ни копейки, прежде чем вернулся обратно.

Издали он услышал грозный мужской голос, словно готовый затеять ссору.

Перед их скромным столом стоял высокий и крепкий мужчина с угрожающим видом.

Кто-то ищет неприятностей?

Тун Цянь понял, что дела плохи, и побежал туда. Он услышал, как мужчина говорил:

— Эта мелочь, пустая и безвкусная, стоит пять центов, да ещё и такая маленькая. Ты явно обманываешь людей!

— Нет... нет, это не обман, — Ван Пинпин пыталась объяснить, но чем больше говорила, тем больше путалась, быстро погружаясь в бессвязный цикл.

Мужчина не унимался. Люди любят зрелища, и, увидев ситуацию, всё больше народа собиралось у этого отдалённого прилавка.

— Дядя, потому что вы взрослый, — Тун Цянь с улыбкой протиснулся вперёд. — Рисовые шарики все одинакового размера, но вы большой, поэтому они кажутся маленькими. А для такого маленького, как я, они кажутся огромными.

Мужчина, увидев внезапно появившегося ребёнка, был озадачен:

— Ты кто?

Тун Цянь быстро выпрямился:

— Я хозяин этого прилавка!

— Ты? Хозяин?

Люди, увидев этого милого малыша, засмеялись.

— Да, я хозяин. Это мой прилавок, и я могу делать всё, что захочу.

Мужчина, вероятно, догадался о его отношениях с Ван Пинпин и с хитрым смешком сказал:

— Тогда можешь заставить её отдать мне этот рисовый шарик бесплатно?

— Конечно!

Тун Цянь взял рисовый шарик с прилавка и протянул мужчине:

— Вот, дядя, держите.

Мужчина взял его, даже не собираясь платить.

— Эй, малыш, ты так расточителен, не боишься, что тебя накажут?

Некоторые из зрителей начали беспокоиться за Тун Цяня.

Но он выглядел совершенно безразличным:

— Дядя, есть такое слово — взаимность, правда?

Мужчина кивнул.

Тун Цянь указал на него:

— Тогда я тоже не прошу многого. Вы хозяин этих штанов, так отдайте их мне.

Толпа замерла, а затем взорвалась смехом.

Некоторые, привыкшие к зрелищам, начали подначивать:

— Малыш дал тебе рисовый шарик, ты отдай ему штаны, всё честно. Давай, снимай!

Мужчина, держа в руке рисовый шарик, не знал, что делать: снимать или нет.

— Ты, мелкий!

Наконец, он выкрикнул это.

Он был высоким и крепким, и, когда злился, даже взрослые могли испугаться, не говоря уже о детях.

Но Тун Цянь был совершенно спокоен и вдруг снова заулыбался:

— Дядя, если вам нравятся эти штаны, то я их не возьму, но у меня есть условие.

— Какое условие? — кто-то из толпы не выдержал и спросил за мужчину.

— Дядя должен при всех съесть мой рисовый шарик и рассказать всем, какой он на вкус. Хорошо?

По сравнению с публичным снятием штанов, это условие было куда более приемлемым.

Мужчина разорвал полиэтиленовый пакет и откусил половину шарика.

Зимой дул холодный ветер, и, хотя люди гуляли по празднику и были разгорячены, их желудки были холодными.

Горячий рисовый шарик, попав в желудок, словно разжѐг маленькую печку, согревая и придавая сил.

Мужчина выдохнул и бросил один юань.

— Этот рисовый шарик вкусный, дайте ещё два!

Благодаря тому мужчине, Тун Цянь успешно превратил фарс в рекламную акцию, и на прежде пустынном прилавке вдруг начался ажиотаж.

К пяти часам вечера все принесѐнные из дома материалы закончились, пришлось извиниться перед оставшимися клиентами, вернуть стол и отправиться домой усталыми шагами.

— Я пойду нагрею воды, вы помойтесь и ложитесь спать пораньше.

Ван Пинпин выглядела уставшей, но её настроение было отличным.

— Не спешите, — Тун Цянь поднял железную коробку, которую всё это время держал в руках.

— Давайте посчитаем деньги.

Ван Пинпин замерла.

Даже молчаливая Тун Паньэр и внешне спокойный Чжоу Минъянь были слегка взволнованы.

Они встали рано утром, столько работали — всё ради денег!

Тун Цянь открыл железную коробку и высыпал кучу мелочи.

В основном это были пять центов и один юань.

Каждому выделили кучку, и они начали считать монеты.

— 28 юаней и 5 центов.

— 15 юаней.

— 16 юаней и 5 центов.

— 22 юаня.

После того как все назвали свои суммы, Тун Цянь ещё считал, но Чжоу Минъянь опередил его.

— 81 юань.

Воздух замер.

Только голос Ван Пинпин дрожал:

— Минъянь, сколько ты сказал?

— 81, — терпеливо повторил Чжоу Минъянь.

Ван Пинпин окончила начальную школу и могла решать простые арифметические задачи.

За вычетом аренды стола и стоимости материалов она заработала за день как минимум 60 юаней!

Что это за цифра!

В прошлом году, работая в поле в сезон и помогая делать поделки в свободное время, она не смогла заработать и тысячи юаней.

А теперь, всего лишь продавая рисовые шарики один день, она получила 60 юаней!

60 юаней в день, 1 800 в месяц, 21 600 в год!

Значит, она стала... десятью тысячникком!

Ван Пинпин всё больше возбуждалась, её губы дрожали, а взгляд стал рассеянным.

Тун Цянь и Чжоу Минъянь переглянулись.

Наконец, Тун Цянь решил, что именно ему придётся остудить её пыл.

— Сегодня мы заработали 60 юаней, и это действительно здорово, но это из-за праздника и храмового фестиваля. В обычные дни никто не станет тратить столько денег на рисовые шарики, все готовят дома.

Услышав слова сына, Ван Пинпин постепенно успокоилась.

Да, малыш прав. Сегодняшний заработок был просто удачей.

Если бы зарабатывать на уличной еде было так легко, все бы уже бросились этим заниматься, и ей бы не досталось.

Она успокоилась, встала, нагрела воды, искупала детей, спрятала все деньги из железной коробки и отправилась на кухню готовить материалы для рисовых шариков на следующий день.

Перед сном Чжоу Минъянь и Тун Цянь обсудили это.

— Пока что это лишь мелкие дела, не долгосрочный план. Думаю, мы сможем продолжать до Праздника фонарей, осталось ещё десять дней. Накопим приличную сумму, и этого хватит, чтобы начать другой бизнес.

— М-м... — Тун Цянь зевнул и сонно ответил.

Он всё ещё был маленьким, слабым и сильно устал за день, проведённый на улице. Он почти сразу же уснул, едва коснувшись кровати.

Чжоу Минъянь замолчал и в темноте тихо смотрел на спящее лицо Тун Цяня.

Наконец, он прижался щекой к щеке малыша и тихо прошептал:

— Спокойной ночи.

Как и предсказывал Чжоу Минъянь, после Праздника фонарей продажи рисовых шариков Ван резко упали. Иногда они стояли целый день и не могли привлечь даже одного-двух клиентов.

Ван Пинпин упорно ждала ещё два дня, но, убедившись, что клиентов больше нет, неохотно свернула прилавок.

Всего за десять дней она успела почувствовать радость заработка.

Для неё, всю жизнь борющейся с бедностью, ничто не могло принести большего спокойствия, чем деньги.

Каждый вечер, считая монеты под тусклым светом лампы, она чувствовала себя счастливой.

— Один, два, три... Сегодня продали всего 6 юаней.

Чжоу Минъянь аккуратно записал «6» в тетрадь.

[Система]: Продолжение следует... Спасибо за чтение! Автор благодарит за поддержку и ждёт ваших комментариев.

<http://bllate.org/book/16382/1482515>